

Роман и «книга»:
Композиция романа-идиллии А.П. Чудакова
«Ложится мгла на старые ступени»

Светлана С. Бойко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, svetlana-boyko@yandex.ru*

Аннотация. В романе А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» сочетаются особенности поэтики «книги» и поэтики романа. В статье это доказывается путем анализа одной из глав – «Кооперативный конь Мальчик, или Черепеха Наполеона» – в контексте романа. Каждая глава является как бы отдельным произведением: ее сюжет самостоятелен и несет признаки завершенности. Глава содержит фрагменты, не зависящие от устройства целого. «Книга» в целом как форма воспринимается как «предмет серьезный, достоверный, безусловный» (выражение А. Твардовского) благодаря высокой значимости сюжета и фрагментов-отступлений. Серьезность и достоверность сочетаются с парадоксами. Целостность главы складывается благодаря сопряжению несхожих элементов. Жизнеутверждающие картины хозяйственной деятельности соотнесены с описанием тяжелых социально-экономических условий. Размышления о смерти и бессмертии ассоциированы с долговечностью вещей, с долголетием героев – людей и животных – и с бессмертной славой Наполеона. Для разных групп героев и типов текста актуальны оппозиции: созидание/разрушение, смерть/бессмертие. Противоположные члены оппозиций образуют единство в «общем потоке бытия». Темы и мотивы отдельной главы развиваются и в других главах. Это обычное для романа развитие тем и образов на всем его протяжении. Так, в разных главах обстоятельно освещены хозяйственные работы, социально-политические проблемы советского периода, созданы образы героев-животных. Темы старости, смерти и посмертия также скрепляют повествование, в котором сочетаются особенности поэтики «книги» и поэтики романа.

Ключевые слова: темы смерти и бессмертия, созидания и разрушения, композиция, герои-животные, анекдот, парадокс

Для цитирования: Бойко С.С. Роман и «книга»: Композиция романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. Ч. 3. С. 397–407. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-397-407

The novel and the book.
The composition of the *Idyll Novel*
“A Gloom descends upon the Ancient Steps”¹
by A.P. Chudakov

Svetlana S. Boiko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
svetlana-boyko@yandex.ru*

Abstract. A. Chudakov’s novel “A Gloom descends upon the Ancient Steps” combines the features of the poetics of the “book” and those of the novel. The paper proves that by analyzing in the context of the novel one of the chapters – “The Cooperative Horse Boy, or Napoleon’s Turtle”. The chapter, as a part, contains fragments independent of the structure of the whole. “The book” generally as a form is perceived as “an object serious, credible, unquestionable” (expression by A. Tvardovsky) because of the high importance of the plot and the digressions. “Seriousness and reliability” are combined with paradoxes. The integrity of the chapter is formed by the juxtaposition of dissimilar elements. Reassuring pictures of economic activity are correlated with descriptions of harsh socio-economic conditions. Reflections on death and immortality are associated with the longevity of things, with the longevity of heroes – humans and animals – and with the immortal glory of Napoleon. The themes and motives of a separate chapter are also developed in other chapters. It is common for the novel to develop themes and images throughout.

Thus, in different chapters, household chores, socio-political concerns of the Soviet period are thoroughly covered, and images of animal heroes are created.

The themes of old age, death and postmortem also hold together a narrative that combines features of the poetics of the “book” and those of the novel.

Keywords: themes of death and immortality, creation and destruction, composition, animal heroes, anecdote, paradox

For citation: Boyko, S.S. (2023), “The novel and the book. The composition of the *Idyll Novel* ‘A Gloom descends upon the Ancient Steps’ by A.P. Chudakov”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, part 3, pp. 397–407, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-397-407

Роман-идиллия А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» воспринимается читателем живо и непосредственно. Вспоминаю,

¹Translated by Timothy D. Sergay.

как Г.А. Белая, прочитав в 2000 г. роман в журнале «Знамя», восхищалась: «Какой образ деда!» И ныне читатели совсем другого поколения на недоуменный вопрос о том, почему роман побуждает их вспоминать свои семейные истории (у кого-то предки из дворян, у кого-то – из раскулаченных, из репрессированных и так далее), уверенно отвечают: «Это про нас!»

Книга напоминает читателю о лучших литературных традициях:

Словно мы читаем старый добротный русский роман. Но мы читаем роман, который нужно назвать историческим, и его материал – совсем другая история, нежели в старом романе. Это роман-эпоха, обнимающий несколько десятилетий прожитой нами с автором вместе суровой советской истории [Бочаров 2013, с. 326].

В то же время книга А. Чудакова отличается новизной и сложностью художественной формы.

Писатель зафиксировал в своих дневниках отзывы филологов о романе, прозвучавшие в личных беседах с ним. Так, согласно записи, Г.С. Кнабе отметил, что «фабула-сюжет пронизаны историко-философским ощущением нашего времени. Это ощущение подымает фабульный материал на бóльшую высоту»². Ключевую мысль о композиции романа высказал, согласно записям А. Чудакова от 2000 г., О.А. Клинг: «Композиция глав заменяет сюжет» (с. 576).

Исследователи указали на особое соотношение документальности и вымысла в романе:

Стоит отметить, что в дневниках и записных книжках, начиная с 1956 г., когда впервые был зафиксирован замысел романа, Чудаков напряженно размышлял над сочетанием автобиографического, мемуарного и фикционального начал в своем долгие годы вызревавшем произведении [Горбенко, Чекушин 2019, с. 7].

Эту особенность связывают с репрезентацией повествователя: «...использование двух типов повествования – и от первого лица, и от третьего – предполагает совмещение в одном тексте... непосредственного воспоминания, тяготеющего к жанру автобиографии, – и тяготеющего к авантюрному или фантастическому

² Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 615 (далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках с указанием страницы).

сюжету изображения пространства памяти героя...» Это «позволяет посмотреть на героя и на мир одновременно и с точки зрения героя, и со стороны...» [Доманский 2019, с. 233].

В отношении художественного времени отмечено, что композиция не зависит ни от хронологической канвы, ни от форм социальной обусловленности:

В основе повествовательной структуры – не хронология, не логика причинно-следственных и социально детерминированных связей и отношений, а погруженность в общий поток бытия, отрефлексированный в сознании автора и героя... [Полупанова 2019, с. 348].

Эти и другие наблюдения говорят об искусно выполненном устройстве повествования. А впечатление простоты и ясности создается за счет ряда приемов.

Живое, неосложненное восприятие книги связано с особенностями ее композиции. Роман состоит из отдельных глав, каждая из которых обладает законченностью, может восприниматься отдельно от целого. Такой принцип построения крупной формы встречается в русской литературе не впервые.

Глубокое обоснование его дал А.Т. Твардовский (поэт и редактор, он получил, как известно, превосходное филологическое образование в МИФЛИ):

И первое, что я принял за принцип композиции и стиля, – это стремление к известной законченности каждой отдельной части, главы... Я ничего не держал про себя до другого раза, стремясь высказаться при каждом случае – очередной главе – до конца... [Твардовский 1957, с. 383–384].

Закономерно, что, отказываясь от иных жанровых определений, А.Т. Твардовский называет свою поэму «Василий Тёркин» – «книгой», имея в виду, что в народном сознании это слово «звучит по-особому значительно, как предмет серьезный, достоверный, безусловный»³.

Что касается прозы, на подобном соединении как бы отдельных рассказов основано построение романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема». В каждом из рассказов автор «стремится высказаться до конца», передавая многообразие впечатлений и фактов. Структура отдельного «разговорного рассказа», «по Искандеру, может

³Твардовский А.Т. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 383–384.

быть уподоблена дереву: она ветвится и развивает многозначность смысла...» [Романенко 2014, с. 7]. Поэтому в отдельном рассказе, как от ствола, отходят «ветви – те или иные отступления от основного мотива, обогащающие его смыслом и дающие дополнительную, но чрезвычайно существенную (эксплицитную) информацию об образе автора» [Романенко 2014, с. 7].

Приемы, которые позволяют выстроить «древopodobное» многоствовое единство книги, мы выявим путем разбора отдельной главы в контексте романа.

Остановимся на главе «Кооперативный конь Мальчик, или Черепаха Наполеона». Основные события здесь относятся к 1940-м гг. Главные герои – семь преподавателей «Чебащинского горно-металлургического техникума», которые организовали кооператив «Будёновец» «в сорок втором году, когда им полгода не выдавали жалованья», а также животные: конь по кличке Мальчик, который был «единственной тягловой силой» кооператива (с. 96), и... черепаха Наполеона.

Основной сюжет главы – заготовка сена. Отец героя говаривал, «привезя на Мальчике очередной воз: “Солома решает все”» (с. 98) (перефразируя печально знаменитые лозунги предыдущих десятилетий).

История сенозаготовок демонстрирует социально-экономические обстоятельства во всем безобразии, а находчивых и трудолюбивых героев – в постоянной и в целом успешной борьбе за существование. Сочетание успешной деятельности с неблагоприятными условиями, парадоксальное само по себе, раскрывается через множество отдельных парадоксов.

Косить разрешалось на дальних, тем самым неудобных, полях. Сена на зиму не хватало, его приходилось докупать в условиях псевдо-рынка:

Подвозили сено исключительно казахи. Косить они не умели и не любили, нанимали мужиков из ссыльно-кулацких семей, могучих косарей. Но казахам, хотя они тоже были колхозниками, разрешалось держать индивидуальных лошадей, то есть иметь транспорт, русские же вывозили сено на коровах, на себе... (с. 104).

Бессмысленные требования описаны здесь компактно и в переплетении одного с другим (косить разрешено тем, кто этого не умеет и нанимает тех, кому запрещено держать коней). Затем добавляются позднейшие абсурдные обстоятельства, ведущие уже к исчезновению всех тягот:

Неравенство было ликвидировано при Хрущеве, когда коней казам велели сдать. Аксакалы... обнимали своих низкорослых мохнатых лошадок и плакали (с. 104).

Как видим, естественные свойства людей соседствуют с невымышленным абсурдом внешних запретов. Поэтому действия героев-созидателей, вилетенные в клубок внешних обстоятельств, описаны как подвиги либо приключения. Например, зимой отец рассказчика ездил в дальний колхоз,

...где всегда под снег уходило невывезенное сено, которое колхоз задёшево продавал всем, кто отваживался его откапывать, и через Степь, где не было езжалой дороги, перевозить в тридцатиградусный мороз с ветром (с. 105–106).

Наконец, сено норовят украсть, чему «будённовцы» противостоят, сражаясь вилами, «как участники крестьянского восстания Болотникова» (с. 104).

Главные герои – созидатели – поддерживают разумный порядок жизни. Им противостоят бессмысленные идеи, возведенные в ранг правил и как бы отвлеченные от конкретных носителей (это часто передается неопределенно-личными конструкциями типа «коней велели сдать» либо неличным субъектом типа «колхоз»).

В качестве личных носителей разрушительного начала предстают воры: незадачливый похититель сена и почти преуспевший конокрад, – побежденные умными кооператорами. Носители деструктивного начала выглядят комично.

Более существенно другое обличие деструкции. Ее носителями выступают сами созидатели. Например, вопиющее неравенство прав (можно или нельзя иметь коней) прежде отстаивал один из членов кооператива. Ныне ссыльный, он «в бытность свою большим начальником по национальным вопросам стоял у истоков подобных указов и пробовал объяснять, что власть поступила разумно...» (с. 104). Другой кооператор спас коня от невыполнимой трудовой повинности (при покупке Мальчика «предусмотрительный Канцевич запасся документом», что лошадь комиссована). Но этот же герой по неумелости и погубил коня – опоил после тяжелой дороги (с. 108). Двойственность героев-созидателей трагикомична (разумный соавтор безумного указа, предусмотрительный спаситель – он же бестолковый погубитель коня).

Двойственность героя бывает анекдотична. Так, кооператор, в прошлом филолог Улыбченко неизменно подстраивал свою работу под изменчивую конъюнктуру:

Всю жизнь он писал диссертацию «Пословицы и поговорки»: до посадки – «в трудах И.В. Сталина», после – «в докладах и выступлениях Г.М. Маленкова», затем – «в речах и беседах с народом Н.С. Хрущева». В последний раз, когда его, уже седого, Антон встретил во дворе МГУ на Моховой, он прикреплялся к кафедре русского языка, чтобы писать у Галкиной-Федорук диссертацию «Пословицы и поговорки в трудах Л.И. Брежнева» (с. 99–100).

Этот комичный абзац заканчивается словами: «Косил он хорошо» (с. 100). Анекдот и в том, что временная конъюнктура показана как постоянная величина, и в том, что косяба не менее важна, чем профессия и дело жизни Улыбченко и Антона.

Наряду с людьми, ключевую роль в композиции главы «Кооперативный конь Мальчик, или Черепаха Наполеона» играют герои-животные. Многие люди относятся к животным по-братски. Это проявляется даже в литературных оценках: ссыльный зоопсихолог «поразил Антона заявлением, что самое великое произведение русской классической литературы – рассказ “Каштанка”...» (с. 323). Рассказчик втайне вообще мечтал быть псом или хотя бы носить фамилию «Пёсов» – «за эту вообще все отдай и будет мало» (с. 365)⁴.

Глава «Кооперативный конь...» начинается знакомством с Мальчиком двадцати девяти лет, которого не берут на бойню, и заканчивается его смертью – причем не от старости, а из-за ошибки в уходе. Рассказ про «черепаху Наполеона», подобно лирическому отступлению, помещен в середину главы и мотивирован разговором о бонапартизме Антона и Улыбченко.

И люди, и животные вовлечены в исторические события в силу обстоятельств. Черепаху приручил сам Наполеон. Конь служил в колчаковской армии и со времен гражданской войны панически боялся людей в форме красноармейцев (новые хозяева этого не афишируют).

В мире животных актуальна та же оппозиция созидания и разрушения, что и в мире людей. Черепаха и конь – полезны, их действия разумны, отношения с людьми – уважительные. Животные понимают людей: «На Мальчике из роддома доставили маму вместе с новорожденной сестрой Наташей. Отец клялся, что Мальчик, увидев сверток с младенцем, заулыбался и вез телегу очень осторожно...» (с. 106). В качестве разрушительного начала выступают

⁴Как видно из опубликованной части дневников, о главе или рассказе «Псы» А. Чудаков размышлял задолго до работы над книгой – в 1979, 1983, 1986 гг. (с. 524, 526, 536).

волки. Но это естественные охотники, и борьба с ними описана в духе приключений.

В нашей главе герои-животные очень старые, но продолжают выполнять присущие функции. Мальчик возит грузы, черепаха работает достопримечательностью: «последнее живое существо на планете, которое помнит Великого Императора» (с. 103).

Активное долголетие героев-животных соотнесено с одной из центральных тем романа – темой смерти и бессмертия.

Тема эта открывает и завершает роман. В первой главе умирающий дед «велел написать всем детям и внукам, чтобы приехали проститься» (с. 10). А половина финальной главы «И все они умерли» посвящена тому, как рассказчик не мог примириться с мыслью о смерти. В детстве – о будущей смерти деда. Позднее о раннем уходе Моцарта и Пушкина, затем – персонажей из дореволюционных газет, кинохроники девяностых, актеров, учителей, соседей и так далее.

В отличие от деда, который спокойно смотрит в Вечность и лишь сожалеет о своем нераскаянном грехе: «Но они отняли Россию. И в мои последние дни нет у меня к ним христианского чувства. Неизбывный грех» (с. 516), – Антон-повествователь сохраняет свою юношескую непримиримость.

Со временем герой переносит свой протест на забвение, полагая, что забытый человек исчезает без следа: «Однако от этих остались кинокадры, голос, фотографии, хотя бы некрологи. Но как быть с теми, от кого не осталось *ничего*⁵» (с. 503).

В главе «Кооперативный конь Мальчик, или Черепаха Наполеона» от Мальчика остается вещественная память – щетки, «которые дед наделал из его черного и густого хвоста». Они долговечны, и «одна из них до сих пор служит мне» (с. 109).

Престарелые и деятельные герои-животные как бы противостоят смерти, продолжая жить в собственном качестве. В этом они уподоблены деду, который тоже «старше всех», но сохраняет свои способности. Активное долголетие, как и долговечность вещей (щетка), отодвигают в создании героя мысль о бренности бытия.

В данной главе есть и фигура, которую рассказчик ассоциирует с преодолением смерти. Это фигура Наполеона. Имеется живой свидетель его жизни – черепаха. Далее, еще ребенком рассказчик был убежден, что Наполеон «расширил представление о человеческих возможностях вообще» и оставил потомкам, например, «Кодекс Наполеона» – как бы непреходящую ценность (с. 102).

⁵ Курсив А. Чудакова.

Наконец, для взрослого Антона с Наполеоном как личностью и как литературным героем прямо связаны вопросы о смерти и о посмертии:

Почему именно он узурпировал тему вставания из гроба? Почему она вдохновляла и Зейдлица, и Гейне, и Жуковского, и Лермонтова? Может, это и есть подлинное величие – все ощущают странность того, что такое сверхчеловеческое могущество ушло в землю? И подсознательно не желают с этим смириться? (с. 102).

Рассказчик пытается – под вопросом – приписать знаменитым авторам свою мысль о недопустимости смерти, хотя бы на примере «сверхчеловеческого» героя.

Земная либо литературная слава или хотя бы известность служит в сознании Антона своего рода суррогатом – она заменяет представление о Вечности и о бессмертии человеческой души, которое у наставника-деда присутствовало органично.

Итак, устройство отдельной главы определяется по крайней мере тремя композиционными приемами.

Во-первых, каждая глава является как бы отдельным произведением. Ее сюжет самостоятелен (здесь – сказание о сенозаготовках) и имеет признаки завершенности (от приобретения до смерти коня). Глава содержит как бы автономные фрагменты-отступления, не зависящие от устройства целого (анекдот о пожизненной работе над диссертацией про пословицы). Высокая жизненная значимость сюжета в каждой отдельной главе («сено решает все!») и фрагментов-отступлений делает произведение в целом «книгой»; как сказал А. Твардовский, это «предмет серьезный, достоверный, безусловный» (что не исключает комизма в разных проявлениях).

Во-вторых, различные сюжеты и мотивы внутри главы сопряжены друг с другом, что скрепляет единство несхожих элементов. Близко соотнесены картины хозяйственной деятельности (бытописательный пласт), насыщенные множеством предметных деталей (сено, упряжь, вилы и так далее), с описанием социально-экономических условий, которые препятствовали полезной работе. Дальние ассоциации связывают размышления рассказчика о смерти и бессмертии (экзистенциальный пласт) с долговечностью вещей (предметный ряд), активным долголетием героев и как бы бессмертной славой Наполеона. Для разных групп героев и типов текста актуальны одни и те же оппозиции: созидание/разрушение, смерть/бессмертие. Антон – ценитель земной славы – и его дед, спокойно уходящий в Вечность, не совпадая по менталитету, видят друг в друге близких по духу людей. Противоположные члены

оппозиций образуют единство в «общем потоке бытия» [Полупанова 2019, с. 348], в целостной картине его.

В-третьих, темы и мотивы отдельной главы развиваются и в других главах. Это прием, обычный для романа. Так, хозяйственные работы обстоятельно освещены в главе «Натуральное хозяйство XX века», социальные проблемы – в главе «Четвертая сибирская волна», образы героев-животных – в центре глав «Бычаги» и «Псы», к темам старости, смерти и посмертия рассказчик обращается многократно.

Таким образом, в романе А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» сочетаются особенности поэтики «книги» и поэтики романа.

Литература

- Бочаров 2013 – Бочаров С. Синяя птица Александра Чудакова // Чудаков Александр Павлович: Сб. памяти. М.: Знак, 2013. С. 322–330.
- Горбенко, Чекушин 2019 – Горбенко А.Ю., Чекушин В.В. Гражданин, граф, Григорий: А.Н. Толстой в романе А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 5–11.
- Доманский 2019 – Доманский Ю.В. Некоторые особенности художественного мира романа «Ложится мгла на старые ступени» Александра Чудакова // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 230–237.
- Полупанова (2019) – Полупанова А.В. Черты поэтики филологической прозы в романе А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 4. С. 347–350.
- Романенко 2014 – Романенко А.П. Иронический эпос Фазиля Искандера: особенности идиостиля // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 5–10.

References

- Bocharov, S.G. (2013), "The blue bird by Alexander Chudakov", *Chudakov Aleksandr Pavlovich: Sbornik pamyati* [A Collection of Remembrances.], Znak, Moscow, Russia, pp. 322–330.
- Gorbenko, A.Yu. and Chekushin, V.V. (2019), "Citizen, Count, Grigoriy: Aleksey Tolstoy in A.P. Chudakov's novel 'A Gloom is cast upon the ancient steps'", *Tomsk State University Journal*, no 443, pp. 5–11.
- Domanskii, Yu.V. (2019), "Some peculiarities of the artistic world of the novel 'The Haze lays down on the old steps'" by Alexander Chudakov, *The New Philological Bulletin*, vol. 48, no. 1, pp. 230–237.

- Polupanova, A.V. (2019), "Poetical features in philological prose in A.P. Chudakov's novel 'A Gloom is cast upon the ancient steps' ", *Philology. Theory & practice*, vol. 12, no. 4, pp. 347–350.
- Romanenko, A.P. (2014), "Ironic epics of Fazil Iskander: peculiarities of idiostyle", *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, vol. 14, no. 4, pp. 5–10.

Информация об авторе

Светлана С. Бойко, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; svetlana-boyko@yandex.ru

Information about the author

Svetlana S. Boiko, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; svetlana-boyko@yandex.ru